

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.41.5>

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЗОНА «ЛЮБОВЬ» В ТЕКСТАХ НАРОДНЫХ ЗАГОВОРОВ

Научная статья

Ковалева С.В.^{1,*}¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kovaleva_lana13[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности представления в заговорном тексте концептосферы «Любовь». Прагматический потенциал заговоров обусловлен природой самого жанра. Именно по этой причине ведущим методом исследования является лингвопрагматический. Достижение цели – выявление специфики представления концептуальной зоны «Любовь» – стало возможным также благодаря лингвокультурологическому и компонентному анализу, сопоставительному и описательному методам. В результате исследования выявлено, что рассмотренная концептуальная зона реализуется в двух типах заговорных текстов – «на любовь» и «от любви», что демонстрируется в самих названиях жанра. Наличие и функционирование заговорных текстов данной направленности подтверждает мысль о том, что чувство любви воспринимается коллективным сознанием как открытое «управлению» извне, что противоречит традиционным этнокультурным представлениям.

Ключевые слова: лингвопрагматика, концептуальная зона, фольклор, заговор.

THE CONCEPTUAL ZONE "LOVE" IN THE TEXTS OF FOLK SPELLS

Research article

Kovaleva S.V.^{1,*}¹ Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation

* Corresponding author (kovaleva_lana13[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the specifics of the representation of the concept sphere "Love" in a spell text. The pragmatic potential of spells is due to the nature of the genre itself. It is for this reason that the leading research method is linguopragmatic one. Achieving the goal – identifying the specifics of the representation of the conceptual zone "Love" – was also possible due to the linguocultural and component analysis, comparative and descriptive methods. The study showed that the analyzed conceptual zone is implemented in two types of spell texts – "for love" and "against love", which is demonstrated in the names of the genre. The presence and functioning of spell texts of this orientation confirms the idea that the feeling of love is perceived by the collective consciousness as open to "control" from the outside, which contradicts traditional ethnocultural perceptions.

Keywords: linguopragmatics, conceptual zone, folklore, spell.

Введение

Важное место в теории речевых актов занимает вопрос о сущности его (речевого акта) прагматики. С одной стороны, в базовой для этой теории триаде *иллокуция-локуция-перлокуция* прагматический компонент совпадает с иллокутивной частью, с другой — прагматика, являясь важнейшим элементом иллокутивной силы, «пронзает» весь речевой акт, во многом определяя его результативность. Так как иллокутивная сила высказывания — это сила воздействия звучащего слова, то прагматика — это и пусковое устройство коммуникативной цели, и заряд, который эту цель доносит до адресата. Эффект, производимый речевым актом (перлокутивный эффект), во многом зависит от прагматической заряженности. Именно на это рассчитывают современные создатели рекламных текстов, апологеты НЛП, психологи, использующие специальные лингвопрагматические стратегии для реализации своей цели. Речевой акт представлен в этом случае как намеренно, адресно заряженная коммуникативная единица. Однако в полной мере сила звучащего слова представлена в перформативных жанрах-ритуалах, «заряженных культурно», к которым вновь и вновь, многие годы — не за описанием действия, а за действительным результатом обращаются носители языка. Из сакрально-магических текстов, в первую очередь, это жанр заговора, речемыслительной стратегией которого является перформативность, то есть прямой выход «из текста в действительность» [1, С. 28-36]. Это жанр, многие века облаченный в незыблемые ритуальные формы, предполагающие внутреннюю энергию, связанную с верой, с магией, с силой сакрального слова, и необыкновенную иллокутивную силу его как действенного, результативного текста определяют не только (и не столько) перформативные и полуперформативные глагольные формы, а множественные дискурсивно-прагматические условия.

Назовем перформативные конвенции, определяющие суггестивный потенциал заговора:

Дискурсивные:

1) собственно названия жанра (*присушки, привороты, отсушки, отвороты* и др.), которые содержат представления о заключенной в них силе магического и звучащего слова;

2) номинации адресанта-заклинателя (*ведун, ведунья, знахарь, знахарка, колдун, колдунья* и др.), которые отражают представления об адресанте как о личности говорящей, наделенной необыкновенными магическими способностями.

Текстовые элементы:

- 1) композиционные — трехчастная структура заговора;
- 2) текстообразующие — перформативы и полуперформативы (по терминологии Е.Н. Куликовская [2, С. 39]), предполагающие прямой выход из текста в действительность;
- 3) идеологические — концентрация элементов религиозной и мифологической картин мира;
- 4) символически-обрядовые — интеграция вербального и невербального кодов культуры;
- 5) ментально-образные — заговор связан со специфическими концептуальными зонами, входящими в национальную концептосферу.

Именно на ментально-образной структуре заговорных текстов сосредоточено наше исследовательское внимание — предметом данной работы является специфика репрезентации концептуальной зоны «Любовь» в заговорном тексте.

Рассмотрение жанра заговора в рамках теории речевого акта предполагает непременно обращение к вопросу о мировоззренческих установках говорящих, в основе которых, как известно, лежит ментальное и чувственно-образное восприятие окружающей действительности. Соответствующий опыт, накопленный во времени, порождает в коллективном сознании связанные между собой сети понятий, ассоциаций, символов — концептов, значимых для национального сознания в целом и представляющих собой в совокупности концептосферу фольклора.

В современном потоке работ о концепте (глобальные вопросы, связанные с концептуализацией действительности, представлены в исследованиях классиков отечественной науки — Н. Ф. Алефиренко [3], Ю. С. Степанова [4], И. А. Стернина [5]; с лингвокультурологическим аспектом изучения концептов связаны работы В. И. Карасика [6], Г. Г. Слышкина [7], С. А. Кошарной [8]; исследованиями в области поэтической концептологии занимались И. И. Чумак-Жунь [9], Л. Ставицкая [10] и др.) есть исследования и в области фольклорных концептов (Ю. А. Эмер [11], И. В. Тубаловой [12], Е. И. Алещенко [13], К. Ж. Нагапетян [14]), однако концептосфера заклинательных текстов требует отдельного изучения как особая часть национальной картины мира.

Объектом изучения в работе выступает язык заклинательных текстов, предметом — единицы, представляющие концептуальную зону «Любовь» в текстах. Актуальность проводимого исследования обусловлена вниманием лингвистической науки к концептосфере в общем понимании и концептосфере заклинательного текста, в частности. Научная новизна заключается в изучении заговорного текста с точки зрения коммуникативного подхода. Целью проводимого исследования является лингвистический анализ заговорного текста, связанного с концептуальной зоной «Любовь». Теоретическая и практическая значимость обусловлены дальнейшим применением результатов в лингвопрагматических, лингвокультурологических, коммуникативных и фольклорных исследованиях.

Методы и принципы исследования

Жанровая природа заговора как суггестивно обусловленного текста обусловила ведущий метод исследования — лингвопрагматический. Всестороннее, наиболее полное рассмотрение заговора как фольклорного жанра стало возможным благодаря описательному методу и методу лингвокультурологического анализа. С опорой на сопоставительный метод удалось выявить отличительные особенности антонимичной пары заговорных текстов на любовь. Компонентный анализ позволил исследовать особенности содержания единиц концептуальной зоны «Любовь», представленной в заговорах из сборника Л. Н. Майкова (1869) [15].

Основные результаты

1. Концептуальная зона «Любовь» представлена в заговорных фольклорных жанрах взаимобратными вариантами: *присушка-отсушка, приворот/отворот*.

2. Рассмотренные тексты позволили сделать вывод, что суггестивный эффект заговора в немалой степени обусловлен сакральностью заговорного слова как культурного знака, которая «подчинена» внутритекстовым потокам (парадигматическим и синтагматическим отношениям).

3. Возникновение любви связано с динамикой, отторжение — со статикой, о чем свидетельствуют проанализированные тексты присушки и отсушки.

Обсуждение

В русле антропоцентрической парадигмы современной лингвистики особое внимание уделяется изучению ментальных, культурных, психологических структур языковой личности. В фольклорном дискурсе языковая личность имеет «коллективное звучание» — наблюдения за природой и обществом, родовая память, результаты деятельности человека проходят «сквозь коллективное сознание», а затем фиксируются в языке. Соответственно, устное народное творчество транслирует культурно значимые особенности картины мира, присущие национальному сознанию в целом, а заговор как фольклорный жанр выступает как «поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» [7, С. 178]. Концептосфера фольклора складывается в результате работы коллективного сознания, а значит, ассоциации в таких текстах несут обобщенный смысл, свойственный менталитету в целом.

При анализе концептов заговорного текста мы опираемся на определение Ю. А. Эмер: «Концепт — когнитивная единица, представляющая целостное знание (не предполагающее жесткой структуры) о ценностных экстралингвистических явлениях, значимых для культуры/субкультуры/индивида» [11, С. 91].

Принято считать, вслед за Ю. С. Степановым, что концепт имеет трехслойное строение — ядро, приядерную зону и периферию [4, С. 4]. При анализе концептов вообще и фольклорных, в частности, необходимо учитывать понятийный, ассоциативный, предметный, культурно-ценностный уровни.

Как мы уже отмечали выше, один из наиболее прагматически обусловленных жанров устного народного творчества — жанр заговора. Заклинания, зафиксированные русскими собирателями, содержат коллективные представления о магии, а также позволяют судить о тех важных мировоззренческих установках, которые проповедовали магические тексты. Стоит заметить, что сборники фольклористов-этнографов не предлагают единого

подхода к распределению текстов в соответствии с тематикой, в результате чего возникает вопрос о единицах фольклорной концептосферы. Так, например, в сборнике Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания» (1869) заговоры подразделяются на следующие группы: Любовь, Брак, Здоровье и болезни, Частный быт, Промыслы и занятия, Отношения общественные, Отношения к природе, Отношения к сверхъестественным существам [15]. В сборнике И.П. Сахарова «Сказания русского народа» (1885) заговорам отводится одна глава под названием «Сказания о кудесничестве», в которую включаются разноплановые, тематически не сгруппированные тексты [16].

Анализируя типы заговоров в различных сборниках, мы определили три концептуальные зоны, в которые можно сгруппировать все названные темы: «Любовь», «Здоровье», «Быт». Рассмотрим отдельно функционирование единиц концептуальной зоны «Любовь» в заговорных текстах.

Концептуальная зона «ЛЮБОВЬ»

Ю.С. Степанов в работе «Константы: словарь русской культуры» (1997), говоря о концепте «любовь», отмечает: «внутренняя форма этого концепта, т.е. выражающих его слов – *любить*, *любовь*, далеко не такая ясная и стройная, как мы ожидали бы по его содержанию. Напротив, она противоречива, разорвана и местами как бы исчезает из ментального поля концепта. ... это определенным образом отвечает его месту в русской культуре» [4, С. 416].

Описание «модели любви» по результатам исследования паремиологического фонда русского языка приводит С.Г. Воркачев в работе «Концепт любви в русском языковом сознании» (2003). Он выделяет следующие признаки чувства:

1) «наиболее представленным паремиологически в русском языке оказывается признак положительной ценности этого морального чувства»;

2) «любовь, как, впрочем, и любую эмоцию, невозможно вызвать произвольно»;

3) «признак амбивалентности любви, которая в русском сознании непременно связана со страданием»;

4) признаки «разлуки» и «иронии»;

5) признаки «красота», «взаимость», «побои», «оптика» и «отрицательная оценка» и др. [17, С. 189-208].

Понятие любви, несомненно, включает большое количество ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных факторов, что не дает возможности четко определить его положение в научной терминосистеме: «ментальную структуру, представляющую любовное чувство человека, можно рассматривать и как категорию, и как концепт» [18, С. 764].

Приведенные исследования подтверждают некое «неустойчивое», не сформированное четко положение понятия «Любовь» в русской языковой картине мира, что свидетельствует о необходимости его изучения не только относительно коллективной или индивидуально-авторской картины мира, но и относительно внутрижанровой реализации.

Основное значение понятия *любовь* трактуется русским сознанием как некая глубинная эмоциональная привязанность, симпатия к кому-либо или чему-либо. В словаре Д.Н. Ушакова находим следующее определение: «... чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством. Несчастливая любовь. Счастливая любовь. Неразделенная любовь. Платоническая любовь. (см. платонический). Чувственная любовь. Пылать любовью. Страдать от любви» [19, С. 248]. Представления о любви в русском языке сконцентрированы в паремиологии и фразеологии — традиционно любовь представлена как очень сильное святое чувство (*Где любовь, там и Бог, безумная любовь*), произвольное (*Любовь нечаянно нагрянет*), неконтролируемое (*любовь слепа*), свободное (*выросли крылья — от любви...*). Но особенность исследуемого жанра заключается в том, что в заговорных текстах не представлены традиционные символические, образные, аксиологические смыслы концепта «Любовь». Концепт представлен в другой проекции — в виде сил, которые должны одолеть любовь.

Именно в фольклоре сохранились наиболее древние традиционные формы восприятия этого чувства, присущие менталитету в целом.

Прагматика любовного заговора представлена в текстах в антиномии: *внушить любовь/внушить отсутствие любви*. Тексты первой прагматической направленности имеют соответствующие ассоциативные номинации: *присушки, привороты, заговоры на любовь* и др. Второй вариант рассматриваемой концептуальной зоны соотносится с намеренным прекращением уже существующего у объекта воздействия искреннего чувства, что также отражается в номинативном ряду: *отсушки, отвороты, заговоры на остуду* и др. Лексемы *присушка/отсушка* образованы от глаголов *присушить/отсушить*, в основе которых лежит ассоциация чувства любви с процессом *сушения*. Лексемы *приворот/отворот* аналогично образованы от глаголов *приворотить/отворотить* и связаны с процессом *поворачивания* объекта воздействия. Оппозиции пронизывают все любовные тексты. Прагматический аспект таких текстов подразумевает специфический настрой адресанта 1 (заказчика) и адресанта 2 (исполнителя) на «возникновение» или «отторжение» любви. Соответственно, в заговоре реализуется процесс речевого воздействия на чужую волю, при котором у адресата «искусственно» должна возникнуть эмоциональная реакция, похожая на проявление чувства. Так, сами наименования, обладая иллюкативной силой, репрезентуют ментально-образные ассоциации. Оба подхода к пониманию концептуальной зоны транслируют коллективное представление о любви как о привязанности, которую возможно «создать» и «разорвать» при помощи заклинательного слова. Данное понимание существенно отличается от первоначального смысла понятия *любовь*, важнейшей основой которого является искренность и свободная воля.

Особенности прагматики любовных заговоров:

— иллюкативный акт представлен перформативами — о чувстве /об отсутствии чувства не рассказывают, чувство, как в других жанрах, не описывают— *любовь/нелюбовь* внушается;

— сам концепт «Любовь» как таковой в заговоре не вербализован, но представление о традиционных ценностных смыслах не соблюдается: ситуация произвольности и свободы любви (*любовь нечаянно нагрянет...*, *любовь зла...*, *у любви, как у пташки крылья...*) нарушается — *любить/нелюбить* принуждают ментально;

— представлены не смысл концепта «Любовь», а те силы, которые, в соответствии с народными представлениями, могут побороть чувства — заставить любить или, наоборот, разлюбить.

Прагматический потенциал заговорных текстов, обусловленный спецификой жанра, «формирует» семантический и синтаксический уровни языка. Отметим важность каждого слова в формуле. Вступая в парадигматические и синтагматические отношения, слово в столь сжатой контекстуальной среде оказывается на пересечении самых различных дискурсивных потоков и проявляет практически все смыслы, которые характерны для знака культуры. Образуется некий потенциально «заряженный сгусток» культурных сакральных смыслов, находящихся в разных взаимоотношениях.

Рассмотрим функционирование концептуальной зоны *любовь* на примере текстов с оппозицией *присушка* – *отсушка*.

Присушка из сборника Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания» (1869):

«На море на Океане, на острове Буяне живут три брата, три ветра, один северный, другой восточный, третий западный. Навейте, нанесите вы, ветры, печаль сухоту рабе (имя рек), чтобы она без раба (имя рек) дня не дневала, часа не часовала. Слово мое крепко» [15, С. 10].

Отсушка из сборника Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания» (1869):

«На море на окиане, на острове на Буяне стоит столб; на том столбе стоит дубовая гробница; в ней лежит красная девица, тоска-чаровница; кровь у нея не разгорается; ноженьки не поднимаются, глаза не раскрываются, уста не растворяются, сердце не сокрушается. Так бы и у (имя рек) сердце бы не сокрушалось, кровь бы не разгоралась, сама бы не убивалась, в тоску не вдавалась. Аминь» [15, С. 24].

Сакральность заговорной формулы формируется благодаря суггестивной модели построения традиционных заклинательных текстов в виде условной схемы, структурно состоящей из трех компонентов:

- 1) зачина, или вступления;
- 2) основной части, транслирующей намерение;
- 3) финали, необходимой для обозначения нерушимости сказанного слова.

Зачастую такие формулы синтаксически распадаются на три предложения. Приведенные выше примеры соответствуют данной модели.

Вступления обоих текстов «отправляют» сознание говорящего в некое мифологическое (сказочное) пространство: *На море на Океане, на острове Буяне*. Словарь В.И. Даля содержит информацию о данном пространстве с точки зрения народных представлений: *океан* – «в сказк. и заговор.окиан, киян; всемирное море; солоногорькие воды, окружающие весь материк земной, сушу, и занимающие более двух третей земной поверхности. Все отдельно именуемые моря, кроме озер, составляют заливы, ковши и протоки общего водоема или океана, который произвольно делится землеописателями на несколько частей или океанов по странам света и другим началам. На море, на окиане, на острове Буяне, начало, присказка к сказке; начало большей части заговоров, а затем следует: лежит бел-горюч камень алатырь (янтарь, электрон?) и пр. Океановы бездны. Океанские обитатели, воды, волны, пучины» [20, Т. 2, С. 683]. В исследовании «Волшебство-сказочные корни научной фантастики» (1986) Е.М. Неёлов отмечает: «Мотив водной стихии в ее разнообразных превращениях — это древний мифологический мотив вечного изменения и движения.<...> *Океан — это мир, Вселенная*. В то же время на мифологической стадии развития сознания «весь мир представляет собою единое живое тело...» [21, С. 113]. Так, океан в заговорном тексте приобретает черты вселенной как «живого организма». Е.М. Неёлов также подчеркивает, что «постоянными компонентами образа являются остров и корабль.<...> когда океан представляет собой просто одну из форм физического пространства, остров — компонент этого пространства, корабль — транспортное средство. При тождестве «океан — мир» остров и корабль воплощают особые части Вселенной, организованные иначе, чем космическое пространство океана. Корабль и остров противостоят океану как освоенное пространство неосвоенному. Получается следующая картина: *океан — это неосвоенный мир, остров — освоенное пространство в мире* (ср. различные типы чудесных сказочных островов), *корабль — наиболее освоенное пространство»* [21, С. 114].

Лексема *буян* в одном из значений в словаре В.И. Даля трактуется как «ручная пристань, место выгрузки товаров» [20, Т. 1, С. 139]. Согласно сказочным поверьям, остров Буян – волшебный. На нем находятся истоки всего сущего на земле: «*Без его имени не силен ни один заговор, на нем сосредоточивается вся чудесная и могучая сила.<...> Он лежал на океане, матери всех морей, из которого вышла земля.<...> На острове есть священный камень Алатырь, обозначающий центр мира. Кто сумеет найти тот камень – у того все желания исполняются»* [22, С. 33-35].

Таким образом, традиционное вступление заговорной формулы содержит сакрально значимые символы, которые обуславливают дальнейшее исполнение намерения заговаривающего. Остров Буян, с одной стороны, является неотъемлемой частью всемирного моря-Океана, с другой стороны, противопоставлен ему как «освоенный» земной элемент водного пространства. Так, в первом предложении формулы представляются дихотомии: освоенное объятное (остров) – неосвоенное необъятное (Океан как вселенная, породившая землю в виде острова); стихия воды (море Океан) – стихия земли (остров Буян); общее большое (Океан) – частное маленькое (остров). Отметим, что слова зачина продолжают взаимодействовать с дальнейшими единицами текстов, наращивая новые связи парадигматических и синтагматических отношений концептуальной зоны *любовь*. Рассмотрим на примере слова *море*.

В присушке:

Парадигматика:

- море — океан ('маленькое'/большое — величина),
- море — остров Буян — ветер — (вода/суша/воздух — 'стихия'),
- море — сухота (мокрый/сухой — вещество),
- море — ветер (статичное/динамичное),
- море — час, день (время — пространство).

Синтагматика:

на море живут три брата (море как жизнь),

на море живут три ветра (место обитания).

В отсушке:

Парадигматика:

море — океан ('маленькое'/большое — величина),

море — остров Буян — дубовая гробница — (вода/земля/дерево — 'стихия'),

море — остров Буян, тоска, кровь, ноженьки, глаза, уста, сердце (динамичное/статичное).

Синтагматика:

на море живет тоска-чаровница (место обитания).

В оппозитивных текстах любовь как чувство представлена в образах-символах печали, сухоты и тоски-чаровницы. Все лексемы имеют пейоративную коннотацию.

Иллокутивная сила, обеспечивающая процессы «привораживания», создается при помощи перформативных глаголов – навейте, нанесите. В отсушке тот же эффект достигается при помощи глаголов с отрицательной частицей «не» – не разгорается, не поднимаются, не раскрываются, не растворяются, не сокрушается, не убивалась, не вдавалась.

Приворот осуществляется посредством обращения к воздуху (ветру), представленному тремя сторонами света (север, восток, запад), что усиливает «неуправляемость» стихии, подчиняющей все на земле своему движению. Отворот, в отличие от приворота, статичен: образ деревянной гробницы предельно сжимает и закрывает пространство. Движение девушки, символизирующей чувство любви, невозможно — она мертва. Передается образ соматизмами: кровь не разгорается, ноженьки не поднимаются, глаза не раскрываются, уста не растворяются, сердце не сокрушается. Возникновение чувства любви равно движению, динамике; отторжение приравнивается к гибели, смерти.

Финаль присушки закрепляет сказанное подтверждением: слово мое крепко. В отсушке закрепа представляет собой проникновение в текст жанрового элемента молитвы вследствие наложения картин мира: аминь.

Заключение

Анализ концептуальной зоны «Любовь» заговорных текстов позволил выявить, что в них транслируется коллективное представление о чувстве любви как об открытом для «управления» заговаривающим. Данное понимание противоречит традиционным этнокультурным нормам. Но, в свою очередь, является специфическим элементом русской лингвокультуры.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Чумак-Жунь И.И. Суггестивный потенциал речевого жанра (на основе текстов фольклорных заговоров) / И.И. Чумак-Жунь, С.В. Ковалева // Вестник ВГУ. — 2022. — №3. — С. 28-36.
2. Куликовская Е.Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения / Е.Н. Куликовская // Рема. Rhema. — 2021. — № 1. — С. 30-55.
3. Алефиренко Н. Ф. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости БелГУ. Серия «Русская филология». — 2010. — № 18(89). — Вып. 7. — С. 5-12.
4. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Издательский дом «ЯСК», 1997. — 824 с.
5. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. — Воронеж: изд-во ВГУ, 1985. — 137 с.
6. Карасик В.И. Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики / В.И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — №2 (62). — С. 109-115.
7. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. — Волгоград: Перемена, 2004. — 339 с.
8. Кошарная С.А. К вопросу о концептуальном анализе / С.А. Кошарная // Ученые записки. Электронный науч. журнал ВГУ. — 2012. — №3-2(23). — С. 020-024.
9. Чумак-Жунь И.И. Поэтический концепт и его статус в типологии концептов / И.И. Чумак-Жунь // Научные ведомости БелГУ. — 2009. — №14-1 (69). — С. 11-20.
10. Ставицкая Л.А. Языковые средства выражения сквозного образа как элемента индивидуальной эстетической системы / Л.А. Ставицкая // Семасиология и словообраз. — Киев: Наук. думка, 1989. — С. 98-102.
11. Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Серия «Филология». — 2010. — № 1(9). — С. 91-100.
12. Тубалова И.В. Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности / И.В. Тубалова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — №1. — С. 96-102.
13. Алещенко Е.И. Отражение фольклорного концепта «Труд» в языке русской и болгарской народной сказки / Е.И. Алещенко // Грани познания. — 2013. — №1 (21). — С. 89-93.

14. Нагапетян К.Ж. Концепты фольклора как протофилософские категории / К.Ж. Нагапетян // Молодой ученый. — 2015. — №15 (95). — С. 701-703.
15. Майков Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. — Спб.: тип. Майкова, 1869. — 164 с.
16. Сахаров И.П. Сказания русского народа / И.П. Сахаров. — Спб.: изд-е А.С. Суворина, 1885. — 300 с.
17. Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании / С.Г. Воркачев // Коммуникативные исследования, 2003. — Волгоград: Перемена, 2003. — С. 189-208.
18. Шафиков С.Г. Птица, женщина и любовь в свете категоризации / С.Г. Шафиков // Вестник Башкирского ун-та. — 2017. — Т. 22. — №3. — С. 761-766.
19. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. — М.: Аделант, 2013. — 486 с.
20. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. — Спб.: Изд-во книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. — 2716 с.
21. Неёлов Е.М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики / Е.М. Неёлов. — Л.: ЛГУ, 1986. — 200 с.
22. Артемов В.В. Мифы и предания древних славян / В.В. Артемов. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 64 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. CHumak-ZHun' I.I. Suggestivnyj potencial rechevogo zhanra (na osnove tekstov fol'klornyh zagovorov) [Suggestive Potential of the Speech Genre (based on texts of folklore plots)] / I.I. CHumak-ZHun', S.V. Kovaleva // Vestnik VGU [Bulletin of VSU]. — 2022. — №3. — P. 28-36. [in Russian]
2. Kulikovskaya E.N. Poluperformativnye glagoly v russkih zagovorah: kriterii i obosnovanie vydeleniya [Semi-performative Verbs in Russian Conspiracies: Criteria and Justification of the Selection] / E.N. Kulikovskaya // Rema. Rhema. — 2021. — № 1. — P. 30-55 [in Russian].
3. Alefirenko N. F. Koncept – ponyatie – kategoriya v svete sovremennoj lingvokognitivistiki [Concept – Notion – Category in the Light of Modern Linguocognitivism] / N. F. Alefirenko // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Russkaya filologiya» [Scientific Bulletin of BelSU. The series "Russian Philology"]. — 2010. — № 18(89). — No. 7. — P. 5-12. [in Russian]
4. Stepanov YU. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience] / YU. S. Stepanov. — М.: «YASK» Publishing House, 1997. — 824 p. [in Russian]
5. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi [Lexical Meaning of a Word in Speech] / I.A. Sternin. — Voronezh: VSU Publishing House, 1985. — 137 p. [in Russian]
6. Karasik V.I. YAzykovaya lichnost' kak predmet izucheniya antropologicheskoy lingvistiki [Linguistic Personality as a Subject of Study of Anthropological Linguistics] / V.I. Karasik // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. — 2011. — №2 (62). — P. 109-115 [in Russian].
7. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: monografiya [Linguocultural Concepts and Metaconcepts: monograph] / G.G. Slyshkin. — Volgograd: Peremena, 2004. — 339 p. [in Russian]
8. Kosharnaya S.A. K voprosu o konceptual'nom analize [On the Issue of Conceptual Analysis] / S.A. Kosharnaya // Uchenye zapiski. Elektr-jy nauch. zh-l KGU [Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of KSU]. — 2012. — №3-2(23). — P. 020-024 [in Russian].
9. CHumak-ZHun' I.I. Poeticheskij koncept i ego status v tipologii konceptov [The Poetic Concept and Its Status in the Typology of Concepts] / I.I. CHumak-ZHun' // Nauchnye vedomosti BelGU [Scientific Bulletin of BelSU]. — 2009. — №14-1 (69). — P. 11-20 [in Russian].
10. Stavickaya L.A. YAzykovye sredstva vyrazheniya skvoznoogo obraza kak elementa individual'noj esteticheskoy sistemy [Linguistic Means of Expressing a Cross-cutting Image as an Element of an Individual Aesthetic System] / L.A. Stavickaya // Semasiologiya i slovoobraz. [Semasiology and Word Formation] — Kyiv: Nauk. dumka, 1989. — P. 98-102 [in Russian].
11. Emer YU. A. Fol'klornyj koncept: zhanrovo-diskursivnyj aspekt [Folklore Concept: Genre-discursive Aspect] / YU. A. Emer // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Seriya «Filologiya» [Bulletin of the Tomsk State University. Series "Philology"]. — 2010. — № 1(9). — P. 91-100 [in Russian].
12. Tubalova I.V. Fol'klor kak prototekstovaya sreda polifonicheskogo teksta bytovoj kul'tury: k probleme polidiskursivnosti [Folklore as a Proto-textual Medium of the Polyphonic Text of Everyday Culture: on the Problem of Polydiscursivity] / I.V. Tubalova // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Questions of Cognitive Linguistics]. — 2009. — №1. — P. 96-102 [in Russian].
13. Aleshchenko E.I. Otrazhenie fol'klornogo koncepta «Trud» v yazyke russkoj i bolgarskoj narodnoj skazki [Reflection of the Folklore Concept of "Labor" in the Language of Russian and Bulgarian Folk Tales] / E.I. Aleshchenko // Grani poznaniya [Facets of Knowledge]. — 2013. — №1 (21). — P. 89-93 [in Russian].
14. Nagapetyan K.ZH. Koncepty fol'klora kak protofilosofskie kategorii [Folklore Concepts as Protophilosophical Categories] / K.ZH. Nagapetyan // Molodoy uchenyj [Young Scientist]. — 2015. — №15 (95). — P. 701-703. [in Russian]
15. Majkov L. N. Velikorusskie zaklinaniya [Great Russian Spells] / L. N. Majkov. — Спб.: typography of Majkov, 1869. — 164 p. [in Russian]
16. Saharov I.P. Skazaniya russkogo Naroda [Tales of the Russian People] / I.P. Saharov. — Спб.: iA.S. Suvorin Publishing House, 1885. — 300 p. [in Russian]
17. Vorkachev S.G. Koncept lyubvi v russkom yazykovom soznanii [The Concept of Love in the Russian Language Consciousness] / S.G. Vorkachev // Kommunikativnye issledovaniya [Communication Studies], 2003. — Volgograd: Peremena, 2003. — P. 189-208 [in Russian].

18. SHafikov S.G. Ptica, zhenshchina i lyubov' v svete kategorizacii [Bird, Woman and Love in the Light of Categorization] / S.G. SHafikov // Vestnik Bashkirskogo un-ta [Bulletin of the Bashkir University]. — 2017. — Vol. 22. — №3. — P. 761-766 [in Russian].
19. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language] / D.N. Ushakov. — M.: Adelant, 2013. — 486 p. [in Russian]
20. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vol. / V. Dal'. — Spb.: Publishing House of the bookseller-typographer M.O. Wolf, 1880-1882. — 2716 p. [in Russian]
21. Neyolov E.M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoj fantastiki [The Fairy-tale Roots of Science Fiction] / E.M. Neyolov. — L.: LSGU, 1986. — 200 p. [in Russian]
22. Artemov V.V. Mify i predaniya drevnih slavyan [Myths and Legends of the Ancient Slavs] / V.V. Artemov. — M.: OLMA Media Grupp, 2014. — 64 p. [in Russian]